

УДК 811.161.1

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2016 г.

Н.Г. Наумова

Вятский государственный гуманитарный университет, Киров

aj-latan@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.09.2014

Рассматривается проблема описания системы ценностей человека с лингвистических позиций. В статье отмечаются некоторые направления изучения системы ценностей человека, а также указывается основной способ ее объективации в языке. Статья содержит непосредственный анализ системы ценностей литературного персонажа.

Ключевые слова: антропоцентризм, система ценностей человека, оценка, коннотация, эмотивный компонент семантического значения.

Цель статьи – наметить пути анализа системы ценностей человека с позиций лингвистики и охарактеризовать систему ценностей конкретного литературного персонажа.

Большинство ученых, оценивая современное состояние лингвистического знания, отмечают его четкую антропоцентрическую направленность (ср., например, работы Ю.Н. Караулова, Е.С. Кубряковой, Н.В. Пятаевой, В.М. Алпатовой, Н.В. Бугорской, В.З. Демьянкова, Р.М. Фрумкиной, Е.А. Поповой). Антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности. Данный подход обнаруживается в том, что человек становится центром анализа тех или иных явлений, что он вовлечён в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели.

В лингвистике антропоцентрический принцип проявляется в следующих направлениях исследований: 1) язык и духовная активность человека; 2) язык, мышление и сознание человека; 3) язык и физиология человека; 4) язык и культура; 5) язык и коммуникация; 6) язык и ценности человека [1].

Нас привлекла проблема связи языка и ценностей человека, которая является предметом изучения психолингвистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, теории коммуникации, этнолингвистики и др. Как отмечает Е.Ф. Серебренникова, «становится все более очевидным, что структуры знания, мнения, верования, воображения, «стоящие» за реальной речью реального *homo verbo agens*, изъясняющегося на данном естественном языке, имманентно сопряжены с оцениванием и восходят к

соотношению сознательного и бессознательно-го, устойчивого и креативного... Оценочность и ценностные характеристики, таким образом, осознаются в настоящее время как фундаментальные характеристики универсума бытия человека и общества, но, в то же время, остаются среди еще непознанных в своем единстве и одновременно в их вариативной представленности в языке человека» [2, с. 3–4].

С аксиологических позиций в рамках различных лингвистических исследований рассматривается и образ человека. Так, например, Ю.Н. Караулов, описывая модель языковой личности, наряду с вербально-семантическим и мотивационным (прагматическим) уровнем выделяет лингвокогнитивный (тезаурусный) уровень, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой личности в более или менее упорядоченную картину мира, отражающую иерархию ценностей [3, с. 53]. В.И. Карасик, определяя понятие «коммуникативная личность», выделяет в ее структуре ценностный, понятийный и поведенческий аспект [4, с. 85]. Ценностный аспект коммуникативной личности – это «этические и утилитарные нормы поведения, свойственные определенному этносу в определенный период... К числу языковых индексов такого кодекса относятся универсальные высказывания и другие прецедентные тексты... составляющие культурный контекст... правила этикета, коммуникативные стратегии вежливости, оценочные значения слов» [4, с. 22].

В нашей монографии, посвященной языковым средствам создания образа человека (на материале поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души») анализируются непроцессуальные (внешность, вещный мир, система ценностей) и процессу-

альные характеристики (модель поведения: цель и мотивы деятельности (желания, мечты, интересы, замысел, возможности, попытки осуществления задуманного, а также принятие решения как стадия, завершающая процесс мотивации); фактическое осуществление задуманного, способы достижения цели; верификация как сличение полученного результата с задуманным) [5]. См. также работы С.В.Черновой [6, 7].

Система ценностей человека представляет собой «важный компонент мировоззрения личности... выражающий (представляющий) ее предпочтения и стремления... в отношении тех или иных обобщенных человеческих ценностей» [8, с. 596]. Ценность – это «важность, значение» [9, с. 873], «положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, социальной группы, общества в целом, определяемая не их свойствами самими по себе, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений; критерий и способы оценки этой значимости, выраженные в нравственных принципах и нормах, идеалах, установках, целях» [10]. Как видим, определение значимости для человека того или иного объекта действительности является результатом процесса оценивания, следовательно ценность сопряжена с оценкой.

Оценка в языке проявляется через оценочные значения, которыми обладают языковые единицы. Исследованию оценочной семантики посвящены, например, работы Н.Д. Арутюновой [11], Е.М. Вольф [12, 13], Н.Н. Мироновой [14], Е.Ф. Серебренниковой [2], В.Н. Телии [15], В.И. Шаховского [16] и др. Исследуя понятие «оценка», лингвисты понимают под ним «общественно закрепленное отношение носителей языка («хороший» – «плохой», «хорошо» – «плохо») к внеязыковому объекту, к фактам языка и речи» [17, с. 7]. Именно категория языковой оценки является основным способом отражения системы ценностей в языке.

Одним из способов объективации оценки является присутствие эмотивного компонента в семантической структуре лексических единиц, что заставляет при изучении выражения системы ценностей в языке обращать внимание прежде всего на эмотивную лексику. В содержании лексического значения слова оценка, как правило, включается в коннотацию. Коннотация считается семантическим макрокомпонентом, являющимся «продуктом оценочного восприятия и отображения действительности в процессе номинации» [19], признается «особого рода оценочной структурой» [19].

Оценка может проявляться на всех уровнях языка, при этом языковые единицы обладают оценочными значениями узואльно либо приобретают оценочные смыслы в контексте. Контекст (речевая ситуация) часто помогает нам понять стилистическую окраску высказывания: иронию, шутку, презрение, неодобрение, ласку, фамильярность, одобрение, похвалу.

Оценка сопряжена с эмоциями. В.С. Тюхтин отмечал: «Эмоции и чувства есть такие реакции субъекта, которые выражают соответствие или несоответствие отражаемых явлений актуальным потребностям, т. е. оценку субъектом явлений с т. з. их роли для него» [18, с. 81]. По словам Е.М. Вольф, «высказывания, описывающие эмоциональные состояния человека, могут интерпретироваться в виде модели, соответствующей фрагментам внутреннего мира человека... Основными в этой модели являются три элемента – субъект эмоции, само эмоциональное состояние и его причина... В основе эмоции лежит оценка... Основные элементы структуры эмоционального состояния – субъект, предикат, причина, – как правило, входят в толкования значений эмоций... толкования основаны на соотношении эмоции и причины...» [12, с. 55–57]. «Причина эмоционального состояния – это событие, которое может быть обозначено самыми разными способами как в пределах данного высказывания, так и вне его» [12, с. 65]. «Об эмоциональном состоянии можно судить по внешнему виду, мимике и движениям» [12, с. 69].

Таким образом, анализируя оценки, даваемые человеком объектам действительности, а также тесно связанные с оценками мотивы его действий, желания, мечты, цели и т. п., мы делаем выводы об особенностях его характера, мировосприятия и ценностных ориентациях в целом [19–21]. Производя данный анализ с позиций языка, лингвист прежде всего обращает внимание на вербализацию внутренних состояний человека через речь. Именно речь (как внешняя, так и внутренняя) является одним из основных источников получения информации о человеке, и в частности о его ценностных предпочтениях, которые обнаруживают себя, как было сказано выше, через эмотивный компонент в семантике языковых единиц, используемых человеком в речи.

При рассмотрении не реального человека, а художественного образа (персонажа того или иного произведения) основным языковым средством выражения системы его ценностей становятся контексты, в которых описываются его мечты, желания, цели, действия, состояния и их причины.

Охарактеризуем систему ценностей главного героя повести А.И. Куприна «Поединок» Ю.А. Ромашова [22]. Из повести извлечено около ста контекстов, в которых раскрывается система ценностей Ромашова. Данные контексты включают в основном примеры внешней и внутренней речи героя. Ряд из них является словами автора, описывающего состояние Ромашова. Ценностные предпочтения героя проявляются прежде всего в том, как он оценивает тот или иной предмет, явление, событие и т. д. Если оценка положительная, то можно считать объект оценки ценным для героя (располагающимся на верхних уровнях иерархии ценностей), если отрицательная – неценным (располагающимся на нижних ярусах системы ценностей).

С самого начала повести у Ромашова проявляется сильное желание получить всеобщее уважение, преклонение и любовь, что кажется ему пределом счастья, а значит, находится на верхних уровнях системы ценностей. Когда Ромашов представляет себя в центре всеобщего внимания и почитания, он приходит в взволнованное состояние, выражающееся в оживленных движениях и жестах, физиологических ощущениях. Ср., например: *Не шел, а бежал, оживленно размахивая руками, вдруг остановился и с трудом пришел в себя. По его спине, по рукам и ногам, под одеждой, по голому телу, казалось, бегали чьи-то холодные пальцы, волосы на голове шевелились, глаза резало от восторженных слез* [22, с. 405]; *Теперь Ромашов один. Плавно и упруго, едва касаясь ногами земли, приближается он к заветной черте. Голова его дерзко закинута назад и с гордым вызовом обращена влево. Во всем теле у него такое ощущение легкости и свободы, точно он получил неожиданную способность летать* [22, с. 519]; *Вся жизнь передо мной! – думал Ромашов, и, в увлечении своими мыслями, он зашагал бодрее и задыхал глубже* [22, с. 403] и т. д.

В ситуациях, когда Ромашов не получает желаемого уважения, он испытывает состояние подавленности, стыда, неловкости, которое выражается в словах *неловкость, стыд, тревога, отчаяние, унижительный, покраснеть, смеяться*. Ср., например: *Чувство пережитой обиды, чувство острой и в то же время мальчишеской неловкости перед солдатами* [22, с. 520]; *По обыкновению опоздал на утренние занятия и с неприятным чувством стыда и тревоги подходил к плацу, на котором училась его рота. В этих знакомых ему чувствах всегда было много унижительного для молодого офицера* [22, с. 470]; *От острого стыда он покраснел, несмотря на темноту... «Конечно! Даже денщики смеются», – подумал он с отчаянием* [22, с. 421] и т. д.

Ромашов считает, что всеобщее преклонение и любовь можно получить, если обладать блестящей внешностью и изысканными манерами, что высоко оценивается героем. Именно таким, прекрасным молодым человеком с изысканными манерами, герой видит себя в мечтах. При этом образ создается с помощью положительно окрашенных прилагательных, характеризующих внешность героя и его манеры, наречий, подчеркивающих способ и характер производимых им действий, а также существительных, дающих положительную оценку Ромашова. Ср., например: *Вот он приезжает сюда – изящный, снисходительно-небрежный, корректный и дерзко-вежливый* [22, с. 403]; *Но Ромашов, безукоризненно отдавая честь и подавшись вперед на седле, отвечает с спокойно-высокомерным видом* [22, с. 403]; *Стройный, красивый капитан выходит вперед роты. Это – Ромашов* [22, с. 403]; *«Посмотрите, – это идет Ромашов». «Глаза дам сверкали восторгом». Раз, два, левой!.. «Впереди полуроты грациозной походкой шел красивый молодой подпоручик». Левоу, правоу!.. «Полковник Шульгович, ваш Ромашов одна прелесть», – сказал корпусный командир* [22, с. 519].

Но в реальной жизни Ромашов не соответствует своему идеалу, что вызывает в нем раздражение и ненависть по отношению к себе. Он отрицательно оценивает свой посредственный внешний вид. По контрасту со своими мечтами он кажется себе ничтожеством, порочным и уродливым существом, стесняется своего внешнего вида, что выражается в соответствующих прилагательных с отрицательной эмоционально-экспрессивной окраской. Ср., например: *Я смешной, я маленький, у меня бледное, некрасивое лицо, какое-то нелепое лицо, противнее всех лиц на свете. Все пропало!* [22, с. 520]; *И когда Ромашов, идя домой, глядел на них, и на небо, и на мокрую, седую от росы траву, то он чувствовал себя ниченьким, гадким, уродливым и бесконечно чужим среди этой невинной прелести утра, улыбавшегося спросонок* [22, с. 486]; *И всякий раз его собственное лицо казалось ему противоположным, некрасивым и каким-то неестественным* [22, с. 443]; *Ты смешной, презренный, гадкий человек!* – крикнул он самому себе мысленно [22, с. 521].

Также Ромашов уверен, что получить всеобщее преклонение и уважение можно, сделав карьеру, добившись успеха в жизни. Высоко оценивая продвижение по служебной лестнице, герой часто мечтает об этом в начале повести, что выражается в положительно окрашенных высказываниях со значением карьерного роста, поощрения (*подавать надежды, блестящая*

будущность, золотая доска, благодарность начальства, награда), а также слов, обозначающих движение вперед (*этап, путь, идти*). Ср., например: *Живо увидел себя ученым офицером генерального штаба, подающим громадные надежды... Имя его записано в академии на золотую доску. Профессора сулят ему блестящую будущность, предлагают остаться при академии... он помнит, что здесь только этап на пути его дальнейшей карьеры и славы... Блестящий офицер генерального штаба Ромашов идет все выше и выше по пути служебной карьеры* [22, с. 403]; *Ромашова ждет впереди благодарность начальства и награда за примерное мужество* [22, с. 404].

Одной из наиболее привлекательных сфер деятельности, в которых можно, по мнению Ромашова, быстро сделать блистательную карьеру и заслужить славу и почет, является **воинская служба**. В начале повести Ромашов идеализирует армию и офицерство, для него являются важными понятия офицерской чести, родины, служения. Ср., например: *И все эти хитрости военного устава: ловкость поворотов, лихость ружейных приемов... которые еще так недавно казались ему таким важным и мудрым делом* [22, с. 534]; *Предлагают завязать глаза косынкой, но он с гордостью швыряет ее на землю. «Разве вы думаете, что настоящий офицер боится поглядеть в лицо смерти?»* [22, с. 404].

В процессе службы Ромашов наблюдает реальное положение дел в армии и разочаровывается в своих идеалах, перестает ценить воинскую службу, что выражается в отрицательно окрашенных оценках, которые герой дает службе. Ср., например: *Ах, я совсем не то ожидал найти, когда стал офицером... Мне все это до такой степени надоело и опротивело!..* [22, с. 477]; *И все эти хитрости военного устава: ловкость поворотов, лихость ружейных приемов, крепкая постановка ноги в маршировке, а вместе с ними все эти тактики и фортификации, на которые он убил девять лучших лет своей жизни, которые должны были наполнить и всю его остальную жизнь... – все это вдруг представилось ему чем-то скучным, неестественным, выдуманым, чем-то бесцельным и праздным, порожденным всеобщим мировым самообманом, чем-то похожим на нелепый бред* [22, с. 534].

Неприятие Ромашовым бессмысленности, пустоты, грязи, разврата, безнравственности и пошлости окружающей его воинской жизни выражается в тяжелом душевном состоянии тоски, скуки, отвращения, раздражения, одиночества, в котором герой находится на продол-

жении всего повествования. Ср., например: *«Я падаю, я падаю, – думал он с отвращением и со скукой»* [22, с. 468]; На учениях: *Скучно мне, милый Павел Павлыч, – тоскливо произнес Ромашов* [22, с. 467]; *Чувство нелепости, сумбура, непонятности жизни угнетало его... Испытывал мучительное сознание своего одиночества и затерянности... Бесконечная скорбь, ужас, непонимание и глубокая, виноватая жалость переполнили сердце офицера и до боли сжали и стеснили его... Мне все это до такой степени надоело и опротивело!..* [22, с. 477]; *Все чаще и чаще тяготится и службой, и товарищами, и собственной жизнью* [22, с. 409]; *Грубые армейские привычки, фамильярность, карты, попойки нет, это не для него* [22, с. 403]; *Чувствуя себя одиноким, тоскующим, потерявшимся в каком-то чужом, темном и враждебном месте* [22, с. 409]; *Я и сам не дорожу этой семьей и хоть сейчас готов вырваться из нее, уйти в запас* [22, с. 446]; О попойках в собрании: *Собственно говоря, это свинство так ежедневно проводить время* [22, с. 481]; *Плакал у него на плече громкими истеричными слезами, жалуясь на пустоту и тоску жизни и на то, что его никто не понимает* [22, с. 533]; *Ромашова тянуло поговорить по душе, излить кому-нибудь свою тоску и отвращение к жизни* [22, с. 469]; *В его отяжелевшей, отуманенной голове вяло бродили все одни и те же мысли: о своем падении и о нечистоте скучной, однообразной жизни* [22, с. 470]; *Что за жизнь! Что-то тесное, серое и грязное... Эта развратная и ненужная связь, пьянство, тоска, убийственное однообразие службы...* [22, с. 468]; *Он знал, как за ними скрывались: жалкая бедность, усилия, ухищрения, сплетни, взаимная ненависть, бессильная провинциальная игра в светскость и, наконец, скучные, пошлые связи...* [22, с. 454] и т.д.

Как видим, Ромашовым отрицательно оценивается нелепость, сумбура, непонятность, свинство, пустота, нечистота, падение, однообразие, пьянство, сплетни, т. е. некая **безнравственность и бессмысленность воинского быта**. Его отношение выражается в словах, обозначающих негативные чувства и состояния (*отвращение, тоска, скука, одиночество, затерянность, скорбь, ужас, непонимание; скучно, тоскливо; одинокий, тоскующий, потерявшийся; угнетать, надоест, опротиветь, тяготиться*), в прилагательных с отрицательной эмоционально-экспрессивной окраской (*грубый, чужой, темный, враждебный, тесный, серый, грязный, развратный, ненужный, пошлый, скучный, однообразный, убийственный, жалкий*) и т. д.

Ромашов противопоставляет окружающей его серой реальности некий **идеальный, высший мир**, где живут идеальные люди. Ср., например: *Никто из них никогда, даже мельком, не обращал внимания на Ромашова, но он видел в них кусочек какого-то недоступного, изысканного, великолепного мира, где жизнь – вечный праздник и торжество...* [22, с. 401]; *Как и всегда, с самого детства, ему чудилась за яркой вечерней зарей какая-то таинственная, светозарная жизнь. Точно там, далеко-далеко за облаками и за горизонтом, пылал под невидимым отсюда солнцем чудесный, ослепительно-прекрасный город, скрытый от глаз тучами, проникнутыми внутренним огнем. Там сверкали нестерпимым блеском мостовые из золотых плиток, возвышались причудливые купола и башни с пурпурными крышами, сверкали брильянты в окнах, трепетали в воздухе яркие разноцветные флаги. И чудилось, что в этом далеком и сказочном городе живут радостные, ликующие люди, вся жизнь которых похожа на сладкую музыку, у которых даже задумчивость, даже грусть – очаровательно нежны и прекрасны. Ходят они по сияющим площадям, по тенистым садам, между цветами и фонтанами, ходят, богоподобные, светлые, полные неопишуемой радости, не знающие преград в счастье и желаниях, не омраченные ни скорбью, ни стыдом, ни заботой...* [22, с. 402]; *Мы все, Павел Павлыч, все позабыли, что есть другая жизнь. Где-то, я не знаю где, живут совсем, совсем другие люди, и жизнь у них такая полная, такая радостная, такая настоящая. Где-то люди борются, страдают, любят широко и сильно... Друг мой, как мы живем! Как мы живем!* [22, с. 469]; *И Ромашов со смутной завистью и недоброжелательством почувствовал, что эти высокомерные люди живут какой-то особой, красивой, недостижимой для него, высшей жизнью* [22, с. 513].

Эта другая, особая (сейчас недоступная, недостижимая, далекая) жизнь связывается в представлении Ромашова с такими понятиями, как *праздник, торжество, блеск, музыка, радость, счастье, сверкать*, он использует при ее описании такие прилагательные с положительной эмоционально-экспрессивной окраской, как *изысканный, великолепный, таинственный, сказочный, чудесный, причудливый, светозарный, сияющий, ослепительно-прекрасный, прекрасный, красивый, яркий, разноцветный, сладкий, нежный, полный, радостный, настоящий, высший, ликующий, богоподобный, светлый*. На основе этого можно сделать вывод о том, что в представлении Ромашова идеальный мир соеди-

няет в себе **красоту, гармонию, радость, счастье**, что является ценным для героя.

На протяжении всего повествования в герое проходит глубокая интеллектуальная и духовная работа, в процессе которой он осмысливает и анализирует все происходящее вокруг него и лично с ним. Этот процесс подчеркивают фазовые глаголы (*начинать, становиться*) и сравнительная степень прилагательных и наречий, с помощью которой выражается процесс трансформации системы ценностей героя, смены одного понимания другим: *С этой ночи в Ромашове произошел глубокий душевный надлом... Он точно созрел, сделался старше и серьезнее... С удивлением, с тоской и ужасом начинал Ромашов понимать, что... Ромашов неуверенно, чрезвычайно медленно, но все глубже и глубже вдумывался в жизненные явления... Ромашов начинал понемногу понимать, что... И все ясней и ясней становилась для него мысль, что...* [22, с. 537].

В результате тяжелых размышлений герой приходит к осознанию **ценности человеческой личности**, обладающей правом на независимую жизнь, самовыражение и развитие. Еще до того, как герой четко осознал эту идею, она проявлялась в неосознанной жалости Ромашова к обиженным и несчастным и стремлении защитить их. Так, герой входит в состояние слепой ярости и безумного бесстрашия, когда в его присутствии несправедливо обижают человека. Ср., например: *Ромашов знал, что и сам он бледнеет с каждым мгновением. В голове у него сделалось знакомое чувство невесомости, пустоты и свободы. Странная смесь ужаса и веселья подняла вдруг его душу кверху, точно легкую пьяную пену... Бек, ты не ударишь женщину, – сказал Ромашов спокойно. – Бек, тебе будет на всю жизнь стыдно. Ты не ударишь* [22, с. 547]; *Бить солдата бесчестно, – глухо возразил молчавший до сих пор Ромашов. – Нельзя бить человека, который не только не может тебе ответить... Это стыдно! – Я сказал, что это нехорошо... Да, и повторяю... вот что, – сказал он несвязно, но настойчиво... Ромашов поглядел на него в упор с ненавистью и сказал почти шепотом: Если вы будете бить солдат, я на вас подам рапорт командиру полка* [22, с. 476]; *Но вдруг прилив теплое, самозабвенного, бесконечного сострадания охватил его душу. И, чувствуя свое личное горе маленьким и пустячным, чувствуя себя взрослым и умным в сравнении с этим забитым, затравленным человеком, он нежно и крепко обнял Хлебникова за шею, притянул к себе и заговорил горячо, со страстной убедительностью... И, тихо склоняясь к стриженной, колючей, грязной голо-*

ве, он *прошептал чуть слышно: Брат мой!* [22, с. 533]; *И хотя это сознание одинаковости положений и внушало Ромашову колючий стыд и отвращение, но в нем было также что-то необычайное, глубокое, истинно человеческое* [22, с. 533]; *Знаю ли я что-нибудь о них? Нет – ничего, кроме их физиономий... Серые, однообразные лица. Что я сделал, чтобы прикоснуться душой к их душам, своим Я к ихнему Я? – Ничего* [22, с. 440].

К осознанию ценности человеческой личности вообще Ромашов приходит через осознание независимости, самодостаточности и свободы личного «Я». Ср., напр.: *Меня!!! Почему же мое Я подчинялось призракам?* [22, с. 438]; *Хочу и не смею выйти из нее [из комнаты]. Отчего не смею? Сделал ли я какое-нибудь преступление? Воровство? Убийство?* [22, с. 438]; *Но исчезни родина, и честь, и мундир, и все великие слова, – мое Я останется неприкосновенным. Стало быть, все-таки мое Я важнее всех этих понятий о долге, о чести, о любви?* [22, с. 438–439].

Результатом осознания ценности человека и его жизни стало полное неприятие Ромашовым факта **войны и убийства**, насильно лишаящих человека жизни, свободы, что выражается в использовании героем отрицательно окрашенных оценок по отношению к данным явлениям. Ср., например: *Это же ведь не служба, это – изуверство какое-то! – со слезами гнева и обиды в голосе воскликнул Ромашов. – Эти старые барабанные шкуры издеваются над нами! Они нарочно стараются поддерживать в отношениях между офицерами грубость, солдафонство, какое-то циничное молодечество... А Ромашов продолжал с горячностью: Ну кому нужно, зачем это подтягивание, орание, грубые окрики?* [22, с. 476–477]; *А вдруг мое Я скажет: не хочу! Нет – не мое Я, а больше... весь миллион Я, составляющих армию, нет – еще больше – все Я, населяющие земной шар, вдруг скажут: «Не хочу!» И сейчас же война станет немислимой, и уж никогда, никогда не будет этих «ряды вздой!» и «полуоборот направо!» – потому что в них не будет надобности* [22, с. 439]; *Это «не хочу» – так просто, так естественно, что должно было бы прийти в голову каждому* [22, с. 439]; *Ведь все, все человечество сказал: не хочу кровопролития. Кто же тогда пойдет с оружием и с насильем? Никто. Что же случится?* [22, с. 439]; *А зачем война? Может быть, все это какая-то общая ошибка, какое-то всемирное заблуждение, помешательство? Разве естественно убивать?* [22, с. 439].

Таким образом, в повести А.И.Куприна мы наблюдаем процесс переосмысления ценностей главным героем: в нем зарождается осознание важности того, что раньше не ценилось, и, наоборот, то, что было существенным, обесценивается. Так, понятия о воинской чести и доблести, о родине, которую нужно защищать от врагов, о подвиге и славе заменяются в результате духовной работы Ромашова на совершенно новые для него понятия бессмысленности войны, идеи естественности всеобщего равенства, необходимости мира и любви на всей земле, ценности не только его личности, но и личности любого человека, обладающего правом на независимую жизнь, самовыражение и развитие.

Представленный выше опыт описания системы ценностей человека демонстрирует возможность и необходимость более глубокого изучения данного явления с позиций лингвистики. Это позволит сделать более обоснованные и четкие выводы об аксиологической составляющей человеческой культуры как одном из основных объектов гуманитарного знания.

Список литературы

1. Кубрякова Е.С. Введение // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. 240 с.
2. Серебренникова Е.Ф. Аспекты аксиологического лингвистического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография. М.: Тезаурус, 2011. 352 с.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 389 с.
5. Наумова Н.Г. Языковые средства создания образа П.И.Чичикова (на материале поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»): Монография. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2010. 124 с.
6. Чернова С.В. Деятельность: лингвистический анализ. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008. 213 с.
7. Чернова С.В. Жизненный процесс как языковой и экстралингвистический феномен // Вестник ВятГГУ. Филология и искусствоведение. Научный журнал. 2013. № 2(2). Киров. С. 6–10.
8. Большой психологический словарь / Под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2005. 225 с.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 994 с.
10. Большой энциклопедический он-лайн словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vedu.ru>
11. Арутюнова Н.Д. Об объекте общей оценки // Вопросы языкознания. 1985. № 3. С.13–24.
12. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 226 с.
13. Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представления в языке // Логический анализ языка.

Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Русский язык, 1989. 924 с.

14. Миронова Н.Н. Об изучении оценочного дискурса в современной лингвистике // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: Тез. Междунар. конф. М., 1995. Т. 2. С. 344–345.

15. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 141 с.

16. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 217 с.

17. Хидекель С.С., Кошель Г.Г. Оценочный компонент лексического значения слова // Иностранные языки в школе. 1981. № 4. С. 7–10.

18. Тюхтин В.С. О природе образа (психическое отражение в свете идеи кибернетики). М.: Высшая школа, 1963. 123 с.

19. Наумова Н.Г. Система ценностей П.И. Чичикова: языковой аспект характеристики (на материале поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души») // *Linguistica juvenis: Дискурсивные практики в социокультурном аспекте*: Сб. науч. тр. мол. уч. Вып. 10. Екатеринбург, 2008. С. 60–66.

20. Наумова Н.Г. Эмоционально-оценочная лексика как средство экспликации системы ценностей автора (на материале поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души») // Семантика. Функционирование. Текст: Межвуз. сб. науч. тр. Киров, 2010. С. 117–119.

21. Наумова Н.Г. Образ П.И. Чичикова как вербализация концепта «Предприниматель» (на материале поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души») // Вестник ВятГГУ. Филология и искусствоведение: научный журнал. № 1 (2). Киров, 2009. С. 29–31.

22. Дуэль. Повести русских писателей / Сост., вст. ст. Н.П. Утехина. М.: Правда, 1990. 592 с.

THE SYSTEM OF HUMAN VALUES AS AN OBJECT OF LINGUISTIC RESEARCH

N.G. Naumova

The article explores the problem of the description of the system of human values from linguistic positions. Some lines of research into the system of human values are shown, and the main way of its objectification in the language is indicated. The article also includes a direct analysis of a literary character's system of values.

Keywords: anthropocentrism, system of human values, value, connotation, emotive component of the semantic meaning.

References

1. Kubryakova E.S. Vvedenie // *Chelovecheskij faktor v yazyke: yazyk i porozhdenie rechi*. М.: Nauka, 1991. 240 s.

2. Serebrennikova E.F. Aspekty aksiologicheskogo lingvisticheskogo analiza // *Lingvistika i aksiologiya: ehtnosemiometriya cennostnyh smyslov: kollektivnaya monografiya*. М.: Tezaurus, 2011. 352 s.

3. Karaulov Yu.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. М.: Nauka, 1987. 263 s.

4. Karasik V.I. Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. М.: Gnozis, 2004. 389 s.

5. Naumova N.G. Yazykovye sredstva sozdaniya obraza P.I.Chichikova (na materiale poehmy N.V.Gogolya «Mertvye dushi»): Monografiya. Киров: Izd-vo VyatGGU, 2010. 124 s.

6. Chernova S.V. Deyatel'nost': lingvisticheskij analiz. Киров: Izd-vo VyatGGU, 2008. 213 s.

7. Chernova S.V. Zhiznennyj process kak yazykovoj i ehkstralingvisticheskij fenomen // *Vestnik VyatGGU. Filologiya i iskusstvovedenie*. Nauchnyj zhurnal. 2013. № 2(2). Киров, S. 6–10.

8. Bol'shoj psihologicheskij slovar' / Pod red. B.G. Meshcheryakova, V.P. Zinchenko. SPb.: prajm-EVROZNAK, 2005. 225 s.

9. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. М.: Azbukovnik, 1999. 994 s.

10. Bol'shoj ehnciklopedicheskij on-lajn slovar' [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.vedu.ru>

11. Arutyunova N.D. Ob ob'ekte obshej ocenki // *Voprosy yazykoznanija*. 1985. № 3. S.13–24.

12. Vol'f E.M. Funkcional'naya semantika ocenki. М.: Nauka, 1985. 226 s.

13. Vol'f E.M. Ehmocional'nye sostoyaniya i ih predstavleniya v yazyke // *Logicheskij analiz yazyka. Problemy intensional'nyh i pragmaticheskikh kontekstov*. М.: Russkij yazyk, 1989. 924 s.

14. Mironova N.N. Ob izuchenii ocenchnogo diskursa v sovremennoj lingvistike // *Lingvistika na iskhode XX veka: itogi i perspektivy: Tez. Mezhdunar. konf. M., 1995. T. 2. S. 344–345*.

15. Teliya V.N. Konnotativnyj aspekt semantiki nominativnyh edinic. М.: Nauka, 1986. 141 s.

16. Shahovskij V.I. Kategorizaciya ehmcij v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1987. 217 s.

17. Hidekel' S.S., Koshel' G.G. Ocenchnyj komponent leksicheskogo znacheniya slova // *Inostrannye yazyki v shkole*. 1981. № 4. S.7–10.

18. Tyuhtin V.S. O prirode obraza (psihicheskoe otrazhenie v svete idei kibernetiki). М.: Vysshaya shkola, 1963. 123 s.

19. Naumova N.G. Sistema cennostej P. I. Chichikova: yazykovoj aspekt harakteristiki (na materiale poehmy N.V. Gogolya «Mertvye dushi») // *Linguistica juvenis: Diskursivnye praktiki v sociokul'tumom aspekte*: Sб. nauch. tr. mol. uch. Vyp. 10. Ekaterinburg, 2008. S. 60–66.

20. Naumova N.G. Ehmocional'no-ocenchnaya leksika kak sredstvo ehksplikacii sistemy cennostej avtora

(na materiale poehmy N.V. Gogolya «Mertvye dushi») // Semantika. Funkcionirovanie. Tekst: Mezhvuz. sb. nauch. tr. Kirov, 2010. S. 117–119.

21. Naumova N.G. Obraz P.I. Chichikova kak verbalizaciya koncepta «Predprinimatel'» (na materiale poeh-

my N.V. Gogolya «Mertvye dushi») // Vestnik VyatG-GU. Filologiya i iskusstvovedenie: nauchnyj zhurnal. № 1 (2). Kirov, 2009. S. 29–31.

22. Duehl'. Povesti russkih pisatelej / Sost., vst. st. N.P. Utekhina. M.: Pravda, 1990. 592 s.